

Константин Кедров, «Новые Известия» -

2000. - 3 авг. - с. 7.

Белый плащ Смоктуновского

Сегодня день памяти великого русского актера

Личность актера — всегда загадка для современников. Существует весьма распространенное заблуждение, будто у актеров нет личности, есть только роли. В большинстве случаев это соответствует истине, но у великих актеров наоборот. Чем больше ролей, чем больше они не похожи друг на друга, тем отчетливее проступает самое главное — индивидуальность и неповторимость человека.

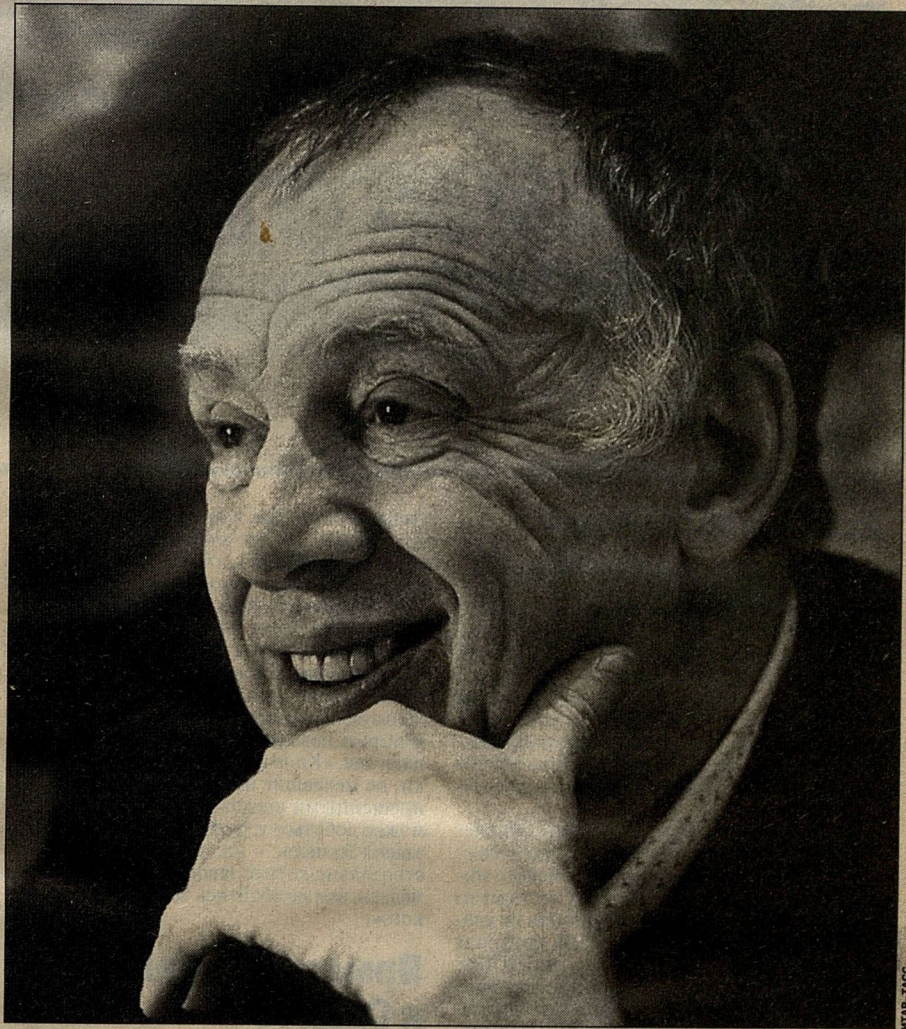
В довольно средней пьесе Чехова «Иванов» Смоктуновский выходил на сцену в белом плаще и подолгу красноречиво молчал. И вот что удивительно: в спектакле, по ходу действия заполненному семейным скандалом, все о чем-то громко орали, а Смоктуновский если и произносил положенные по роли слова, то как-то через силу, почти полушепотом. Не слова были в этой роли для него главными, а неподвижная поза молчаливого человека среди суеты. И произошло чудо — в спектакле, где участвовали актеры с очень звучными именами, никого не было, кроме Смоктуновского в белом плаще. Зал смотрел только на него.

А потом этот плащ самым неожиданным образом появился снова. Я работал над сценарием «Отцы и дети» по роману Тургенева для учебной программы телевидения. Действующих лиц в романе много, а телевидение в те времена было ограничено в средствах и могло пригласить не больше двух известных актеров. И решил я роль всех отцов отдать одному, но зато Смоктуновскому, а детей играл Михаил Филиппов.

Смоктуновский раскрыл сумку и с видом Акакия Акакиевича, демонстрирующего новую шинель, стал бережно извлекать из нее тот самый ослепительно белый плащ из спектакля «Иванов».

— Вот, что я вам принес, — сказал он с гордостью, держа плащ на вытянутых руках, демонстрируя его всем — от осветителя до примера. А дальше было знаменитое чудо перевоплощений. Когда Смоктуновский воплощал собою отца Базарова, скромного сельского фельдшера, плащ на нем как-то сморщивался и принимал затрапезный вид, и этот же плащ преображался вместе с актером и выглядел, как рыцарское облачение, когда Смоктуновский изображал Павла Кирсанова с его дворянскими «принципами».

Словесную дуэль материалиста Базарова с идеалистом Павлом Кирсановым по ходу сценария я превратил в настоящую дуэль отцов и детей в Останкинском парке, где по ходу действия отцы в лице Кирсанова убивают строптивых детей в лице Базарова. Когда Смоктуновский стал целиться в Михаила Филиппова из дульного пистолета и со словами: «Значит, вы идете против своего народа», нажал курок, лицо его стало жестким и даже страшным. Потом только один раз я видел это выражение — в последней кинороле Смоктуновского в фильме «Гений», где он играл мафиози... Раздался выстрел, Базаров упал на зеленую траву, он был в черном сюртуке. И тут Смоктуновский сим-

«У него глаза князя Мышкина», — сказал Товстоногов, впервые увидев Смоктуновского на экране.

провизировал, сбросил свой белый плащ на ту же траву, хотя до этого боялся на него дохнуть, чтобы не память или не запачкать. Белый скомканный плащ на траве и черный сюртук убитого Базарова. Сразу стало понятно, что убиты оба. Дети-материалисты убивают идеалистов-отцов, а отцы — своих сыновей.

«Видишь, как мы работаем!» — с гордостью сказал Смоктуновский, когда понял, что все получилось.

Потом, где-то перед новым, 1984 годом, я встретил Смоктуновского в том же белом плаще на Тверском бульваре. Словно на дворе была не зима, а лето. Вся Москва была увешана пла-

катами с изображением даты 1984, но при этом первые три цифры были нарисованы синим, а четверка белым. Смоктуновский был явно чем-то встревожен: «Смотри, дружок, — сказал он, показывая на белую четверку. — Они нам явно дают понять, что этот год последний. Всё! Игра окончена. Видишь, четверка белая. Явный символ смерти. Будет атомная война». Сначала я думал, что Смоктуновский шутит, а потом понял, как глубоко он переживал и чувствовал, что творилось вокруг. Белый плащ был его рыцарскими доспехами, ограждающими от злобы мира. Слишком тонкая оболочка для столь раннего гения.